

Б. М. Лепешко¹, А. Б. Лепешко²

¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹borys_lepieszko@tut.by; ²a.b.lepeshko@gmail.com

ПРАВО И НАВСТВЕННОСТЬ: ФИЛОСОФИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРОЩЕНИЯ

Правда и милость
пусть царствуют в судах.
Александр II

Отражены актуальные вопросы современного осмысления проблемы права и нравственности. На основе ряда идей русской философии второй половины XIX в. (В. Соловьев) интерпретируются современные проблемы конституционного строительства, высказываются идеи о роли государства и церкви в юридико-нравственном процессе. Рассматривается возможность «третьего пути» в процессе решения противоречий между правом и нравственностью.

Почему вновь тема «право и нравственность» в центре внимания обществоведов? [1]. С одной стороны, ответ тривиальный: это одна из вечных тем, разрешение которой – даже в сугубо теоретическом аспекте – задача не завтрашнего дня. Но главное в другом – в исчерпанности вариантов «чисто» правового или «чисто» этического разрешения проблемы. Все время возникает вопрос, как разрешить современные коллизии, каким образом решить возникающие конфликты, в том числе и судебные.

Задача статьи – предложить один из вариантов решения возникающих проблем, возможно в рамках междисциплинарного подхода, на «стыке» трех дисциплин: философии, права, этики. И начать, очевидно, целесообразно с некоторых исторических и современных примеров, которые достаточно полно характеризуют обозначенную проблему.

Виктор Гюго в романе «Девяносто третий год» [2] описывает такую ситуацию. На корабле сорвало с креплений пушку, травмы получили многие матросы, и только благодаря героическим усилиям одного из офицеров пушку удалось поставить на место. Результаты последующего расследования удивили: причиной трагедии стали действия этого самого офицера, плохо закрепившего орудие. Адмирал, после недолгого размышления, принял следующее решение: офицера, остановившего орудие, наградить и потом этого же офицера за халатные действия повесить. Что и было сделано.

Второй пример связан с событиями в Уфе (Российская Федерация) в феврале 2020 г. Педофил, досрочно освобожденный из тюрьмы именно за педофилию, затащил двух мальчишек в дом с целью совершения развратных действий. Одному из школьников удалось вырваться, он выбежал на улицу и позвал на помощь первого попавшегося ему мужчину. Мужчина оказался не робкого десятка, побежал в дом, вступил в драку с педофилом и случайно нанес ему удар, несовместимый с жизнью. Жители Уфы полагают, что человек совершил героический поступок, и встали на его защиту. Юристы мыслят в иных категориях, и стороны готовятся к процессу.

Еще один пример связан с известным процессом В. И. Засулич, которая в 1878 г. стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова и тяжело ранила его. Председательствовал на суде известный либерал А. Ф. Кони, защищали Веру Ивановну самые известные адвокаты. Вердикт выносил суд присяжных: невиновна. До сих пор распро-

странено мнение, что это решение во многом спровоцировало народовольческую тактику террора, более того – события 1917 г. [3].

Как видим, ситуация принципиально не меняется. Вопрос о том, что первично в иерархии приоритетов – право или нравственность, остается одним из самых актуальных. В связи с этим хотелось бы поставить ряд принципиальных вопросов и попытаться найти на них приемлемые ответы.

Первый вопрос: можно ли решить данную проблему исключительно рационально, на путях классической науки, классического правоведения? Известный теоретик Владимир Соловьев исходит из того, что «дело Христово не есть юридическая фикция, казуистическое решение невозможной тяжбы, – оно есть действительный подвиг, реальная борьба и победа над злым началом. Второй Адам родился на земле не для совершения формально-юридического процесса, а для реального спасения человечества, для действительного избавления его из-под власти злой силы, для откровения в нем на деле царства Божия» [4, с. 224]. Из этого следует, что право само по себе во многом ограничено, оно носит формальный и «отрицательный» характер, право эффективно в том случае, когда руководствуется направляющей волей церкви, усилиями религиозных деятелей. Это одна из главных мыслей известных «Чтений о Богочеловечестве»: оно, Богочеловечество, совершенно реально, это не некий умозрительный абстракт и цель реализации этого проекта меньше всего носит идеальный характер. В этом смысле протест многих специалистов воспринимался В. Соловьевым достаточно болезненно, как движение против одной из главных идей его жизни (достаточно вспомнить в этой связи его полемику с Б. Н. Чичериным, в частности с работой ученого «Мистицизм в науке»). Упреки в утопизме «богочеловеческих» идей В. Соловьева общеизвестны, однако сам мыслитель не видел в них ничего утопического, он полагал, что да, конкретные черты общества будущего никому не известны, но это ни о чем не говорит. В мире существует зло, однако решить проблему «торжества злых сил» право не в состоянии. Здесь существует определенное противоречие, связанное с тем, что в целом движение к Богочеловечеству прогрессивно (в категориях второй половины XIX в.), однако заканчивается этот прогресс скепсисом эсхатологических «Трех разговоров...». Т. е. философ противоречит сам себе. Но это противоречие не дезавуирует главную мысль: человеческое общество, перспективы человеческого общества, во-первых, есть тайна, а во-вторых, они наполнены религиозным смыслом.

Можно, конечно, критиковать эти идеи, особенно с позиций XX в., когда критика идей В. Соловьева у нас носила повсеместный характер. Но есть смысл обратить внимание на внерациональный контекст решения проблемы мирового зла, как это было сделано, в частности, в работах мыслителя, посвященных будущему свободной теократии и социальному идеалу мыслителя. Что здесь главное? Во-первых, утверждение, что решить проблемы мирового зла исключительно на основе социально-экономических преобразований невозможно. Решение проблем нищеты, бесправия, шире – образования и культуры вовсе не гарантирует преодоление феномена зла, и правовая система здесь, сколько ее ни совершенствуй, бессильна. Во-вторых, привлечение внимания к основам христианского вероучения в том аспекте, который связан с реальными процессами изменения мира и человека. Христианство не надо сводить к Декалогу, статьям нравственного характера, соответствующим запретам и разрешениям. Мысль Соловьева более прагматична: христианство действительно, оно практично, его можно и нужно привлекать не столько для нравственных, нравоучительных заповедей, сколько для строительства нового общества и нового государства. А как оно будет называться, это новое общество и новое государство, дело второе. В-третьих, речь идет о союзе государств, религий, народов. Не надо сводить идеи Соловьева в этом контексте к пресловутому спору о том, принял он католичество или все же это блеф. Высказанные соображения на много богаче

и не сводятся исключительно к экуменическим положениям. Суть вопроса в обозначенном выше прагматизме: союз русского царя (светская власть) и римского первосвященника (духовная власть) представляла собой один из вариантов решения все той же юридико-нравственной проблематики, выраженной в понятных категориях. Другими словами, перед нами единство двух подходов: с одной стороны, мистического, духовного, не связанного исключительно с позитивистским толкованием юридико-нравственной проблематики, а с другой стороны, подходом прагматическим. Философ пытался решить злободневные вопросы с помощью категорий как фантастических (власть русского царя и римского первосвященника), так и конкретно-исторических, связанных с «правдой социализма» и стремлением реально преодолеть вопиющие язвы русской действительности. Таким образом, нет доминирования исключительно рационального подхода – есть стремление найти «третий путь» в решении вопросов юридико-нравственного характера.

Второй вопрос связан с ролью и значением государства. В настоящее время (февраль 2020 г.) в России в связи с принятием Закона о поправках к Конституции страны разгорелся нешуточный спор по поводу того, нужно ли записать в преамбуле требования государственной идеологии и попытаться обозначить ее. Для Соловьева этот вопрос не стоял вовсе. Для него государство, право могут существовать исключительно в союзе с церковью. А это и есть прообраз современного понимания идеологии. Как пишет один из крупных юристов, философов А. С. Яценко, «правовой и религиозный идеал у него как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света. Он против разделения церкви и государства. Право и государство уже потому нельзя выделить у него из двух других областей общественной жизни, – экономического общества и церкви, что он все свое исследование посвятил доказательству недостаточности, в своей особенности, каждого из этих отвлеченных начал» [4, с. 27]. Чем подход Соловьева привлекателен? Он не ставит вопроса об идеологии как теории (точке зрения), отражающей взгляды, идеалы какого-либо одного класса, страты, социальной прослойки. Но говорит «вообще» – о религии как объединяющем начале существования народа. И в этом надо признать его правоту. Сам по себе спор, который имеет место в процессе внесения изменений в Конституцию России, говорит о том, что объединяющая общество и государство, людей религиозная идея на уровне ее конституционного закрепления вызывает споры. И вряд ли это можно назвать сильной стороной конституционного процесса.

Причем существование государства не самоцель. Социальный идеал – Царствие Божие – рассматривается Соловьевым в единстве трех сущностей. Это эсхатология – как «царство славы божественного всемогущества». Это как особое состояние души, мир с богом. Это как специфическая форма общества [5, с. 39–55]. Здесь перед мыслителем стояла сложная задача: как избежать абстрактного теоретизирования и одновременно показать хотя бы некоторые конкретные черты того общества, которое он проповедовал в качестве социального идеала. Надо признать, что в целом это оказалось неразрешимой для него задачей, и апокалиптические пророчества «Трех разговоров...» – одной из его последних работ – тому прямое подтверждение. Но важно отметить, что его социальный идеал обладает притягательной силой до сих пор – в эпоху глобалистских устремлений, кризиса христианских ценностей, и всеобщей разобщенности народов, переживающих движение к пиетету национального перед, как говорил Соловьев, вселенским. Надо признать, что те устремления, которые побуждали мысль философа, имеют острую актуальную направленность и сегодня, – хотя бы тем, что этот идеал есть, он может быть реальным даже в своей ирреальности, он оптимистичен, и альтернатив ему очень мало.

Но разговор о традициях русской философской мысли XIX в. для нас важен не только потому, что там поставлены до сих пор актуальные вопросы. Парадокс ситуа-

ции заключается в том, что Соловьев как будто предвидел ту критику «чисто» богословских и «чисто» рационалистических идей в своем юридико-христианском синтезе. Т. е. нельзя решить проблему мирового зла, опираясь исключительно на право. Юридический закон ограничен, он предполагает нравственные начала, поскольку право – проявление добра, часть нравственности. Говоря современным языком, «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества» [6, с. 31]. Во всяком случае, именно эта формула воспроизводится в Основах социальной концепции Русской православной церкви, принятых в 2000 г. Но и нравственный кодекс нуждается в юридическом закреплении, и уже именно поэтому мы обращаемся к правовым законоположениям. И здесь на первый план выходит все тот же «третий путь», который, при всем своем противоречивом характере, позволяет внести и мистическую направленность в размышления о соотношении (единстве) юридического и нравственного начал.

О том, что Соловьеву близки мистические настроения, общеизвестно, и этот тезис не требует дополнительной аргументации [7, с. 135]. Но для нас важен вопрос, как это мистическое начало сопряжено с идеями об «отвлеченности» юридического начала и какая здесь связь с нравственностью. На наш взгляд, кризис западного рационалистического мышления привлекает внимание не столько к традиционным ценностям (вера, семья и проч.), сколько к попыткам найти новые возможности, новые резервы в традиционном богословии, трудах русских теоретиков, прежде всего XIX в. Послушаем, например, Дмитрия Мережковского. В письме к Н. Бердяеву он пишет: «Между государством и христианством для нас не может быть никакого соединения, никакого примирения: “христианское государство” – чудовищный абсурд» [8, с. 95]. И далее: «Новая любовь, новая власть Христова – все еще – не открывшаяся тайна, не совершившееся чудо» [9, с. 98–99]. Категории «тайна», «чудо» в контексте правовом, государственном – отнюдь не рационалистические категории. А вот точка зрения Льва Шестова. В «Опытах адогматического мышления» он пишет: «Божеские законы неизменны: в раю разрешается все, кроме любознательности», и здесь же отмечает: «Допустите возможность сверхъестественного, и логика растеряет столь привлекающие умы несомненность и общеобязательность своих выводов» [9, с. 109]. Почему не мистическая связь явлений? Конечно, прежде всего, это гипотеза тяготеющего к религиозным пророчествам критического ума, но вот цитата из Шестова более «прикладного» характера: «Всякая глубокая мысль должна начинаться от отчаяния» [9, с. 113], в частности отчаяния от наблюдаемого безобразия государственной и частной жизни и противоречия с идеальными нравственными заповедями.

Здесь, очевидно, необходимо пояснить значение слова «мистическое» применительно к теме нашего разговора. Конечно, мы не рассматриваем его значение в том смысле, как описывал его в своих рассказах Владимир Соловьев, пересекающий во время своего путешествия в Египет Босфор. Он говорил друзьям, что его в каюте оседлал черт и стал душить. И только крестное знамение помогло ему вырваться из лап черта. Но обратитесь к тем же стихам Соловьева о Софии, стихам, которые впоследствии А. Блок воспринял очень близко, известнейшая «Незнакомка» – это парафраз соловьевской мудрости. Здесь перед нами тоже мистический образ. Можно защищать в этом контексте несколько максим. Первая из них: мистическое фиксирует непознаваемое, таинственное, то, что выходит за пределы рационального познания. В этой связи применительно к феноменам права и нравственности мы можем утверждать, что наши представления как о первом, так и о втором ограничены, часто неконкретны, спорны. Вторая: мистицизм не блажь, не причуда ума, мистицизм – это разработанная философская позиция, которая обладает, в том числе, всеми атрибутами классического знания. Интересно в этой связи послушать современника Соловьева, крупного мыслителя Л. М. Лопатина.

тина, который в статье «Миросозерцание Владимира Соловьева» акцентировал внимание именно на этой черте его философствования. Лопатин писал: «В то время, когда мистицизм и метафизика стали почти бранными словами, в то время, когда на спиритуализм в философских и психологических кругах смотрели как на жалкий предрассудок пережитого прошлого, Соловьев открыто выступил в философской литературе как мистик, метафизик и спиритуалист» [10, с. 114]. Но какое это значение имеет для права и нравственности? Самое прямое. «Идеальный мир не был для него абстрактным термином, – в его глазах он был чем-то совсем живым, он был для него гораздо более конкретным и настоящим миром, чем тот мир раздробленности и внешности» [10, с. 115], который открывался перед нами. Но об этом мы говорили выше, когда приводили мысли философа о свободной теократии. Почему об этом имеет смысл говорить? Потому что в настоящее время исчерпаны многие рациональные характеристики совершенствования правовой системы, сказано достаточно о важности совершенствования нравственных постулатов в нашей жизни. Нужны новые идеи, новые подходы, в том числе необычные.

Конечно, такой подход может вызвать критику со стороны записных атеистов. Действительно, здесь вне идеи Бога нет ни системы, ни понимания ключевых феноменов. Вспомним полемику между сторонниками и противниками упоминания идеи Бога в той Конституции, которая рассматривается в настоящее время в России. Сторонники этой идеи все время спрашивали: на чем же все-таки основываются такие правильные идеи, как идея добра, идея справедливости, идея всеобщего блага и т. д.? На этот вопрос можно ответить исключительно метафизически, именно поэтому русская религиозная традиция XIX в. подчеркивала – повторим – сугубую прагматичность мыслей о новом национальном и мировом порядке. Да, основанную на религиозной идее.

Конечно, здесь существует и третья важная черта: синкретичность мышления многих русских мыслителей, стремление примирить различные начала, найти пресловутый «третий путь». Соловьева справедливо называли самым крупным либералом среди русских мыслителей XIX в.: «Его убеждение, что справедливое для отдельной человеческой личности должно быть справедливым везде, где совершаются какие-нибудь человеческие действия, было совсем непоколебимо» [10, с. 152]. К этому стоит добавить известный исторический факт: когда 1 марта 1881 г. народовольцы убили русского царя, Соловьев, в то время профессор высших Бестужевских курсов, в открытой лекции обратился к наследнику с призывом помиловать цареубийц. Здесь право и нравственность как общественные феномены слились воедино: новый царь, как христианский владыка, должен помиловать убийц, и тем самым он покажет пример истинно христианского отношения к трагедии. Пример Соловьева важен и потому, что он озвучил свой призыв гласно, с университетской кафедры, уверенный в своей правоте. Понятно, что больше профессором он до конца своей жизни нигде не работал. В отличие от обер-прокурора Святейшего Синода профессора права Победоносцева, который заклинал царя не слушать «сумасшедшего». Стоит привести цитату из письма нового царя в ответ на заклинание К. П. Победоносцева с призывом ответить отрицательно на предложения о помиловании: «Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто и все шестеро будут повешены» [11, с. 38]. В этом историческом споре В. Соловьева трудно назвать победителем, но понятно: ресурсы его позиции могут быть развернуты и осмыслены и сегодня, в отличие от позиции Александра III и Победоносцева.

Какие же выводы следуют из сказанного? У нашего земляка, крупного философа-интуитивиста Н. Лосского в книге «История русской философии» есть совсем небольшая глава, которая называется «Юристы-философы» [12, с. 386–388]. Так вот, В. Соловьев никогда не был юристом, и его имени в списке «юристов-философов» нет. В основном там говорится о Павле Новгородцеве. Т. е. правовые вопросы не были в центре внимания

мыслителя. Однако вне сферы права многие аспекты его исторической, государственной, этической, религиозной философии рассматривать было бы неверно, главным образом потому, что Соловьев – системный мыслитель. Это первое. Второе: Соловьева (как и многих других представителей русской философии второй половины XIX в.) нельзя представлять исключительно абстрактным мыслителем. Философы жили интересами своей страны и очень остро ощущали несправедливость русской жизни. Именно поэтому вопросы права постоянно выдвигались в центр их умопостроений. Связь вопросов права с нравственностью всегда находились в основе как теоретических, так и практических взглядов мыслителей. Третье: вне идеи Бога рассматривать идеи русской религиозной философии второй половины XIX в. невозможно, именно поэтому решение диалектических противоречий между требованиями права и этики всегда находилось в компетенции «третейской» инстанции, которая имела самые различные именованья. Допустим, В. В. Розанов предложил мистическую интерпретацию рационализма. «Подобно тому, – писал мыслитель, – как мыслящему разуму есть соответствующий ему мыслимый мир, так и нравственному чувству – отвечающий ему долг, а религиозному созерцанию – созерцаемое им Божество» [13, с. 276]. Мистика здесь, как уже говорилось выше, не случайное слово. Это связано с тем, что трактовать сложнейшие метафизические вопросы исключительно с рационалистических позиций большинство русских мыслителей считали неверным. Четвертое: ряду мыслителей был присущ широкий синкретизм, стремление «снять» все противоречия. Скажем, профессор Новгородцев «в своей широкомасштабной работе “Кант и Гегель в их учении о нравственности” (М., 1901) берется решить поставленную задачу: синтезировать учение Канта и Гегеля через снятие взаимных противоречий в области философии права» [14, с. 166]. И пятое: для Соловьева был свойственен специфический теократический подход в решении этико-религиозных проблем, которые еще ждут своего исследователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Станишевская, Л. П. Право и мораль в русской философско-правовой мысли / Л. П. Станишевская // Право.Ву. – 2008. – № 2. – С. 32.
2. Гюго, В. Десяносто третий год / В. Гюго // Собр. соч. : в 15 т. / В. Гюго. – М., Худож. лит. – Т. 11. – 1956. – 448 с.
3. Речи известных русских юристов : сборник. – М. : Юрид. лит., 1985. – 544 с.
4. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории и права и государства / А. С. Яценко. – СПб. : Алетей, 1999. – 252 с.
5. Лепешко, Б. М. Вечный странник. Философский портрет Владимира Соловьева / Б. М. Лепешко. – Брест : Облтипография, 1997. – 188 с.
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/>. – Дата доступа: 17.02.2020.
7. Шапошников, Л. Е. Философские портреты / Л. Е. Шапошников. – Н. Новгород, 1993. – 224 с.
8. Мережковский, Д. Больная Россия / Д. Мережковский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 272 с.
9. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. – Л. : ЛГУ, 1991. – 216 с.
10. Лопатин, Л. М. Философские характеристики и речи / Л. М. Лопатин. – М. : Академия, 1995. – 328 с.
11. Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – 448 с.

12. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Совет. писатель, 1991. – 479 с.
13. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1 : в 2 ч. – Ч. 2. – 380 с.
14. Прибыткова, Е. А. Религиозно-нравственное оправдание права: два этапа в эволюции идей Вл. Соловьева / Е. А. Прибыткова // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 165–180.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2020

Lepeshko B. M., Lepeshko A. B. Law and Morality: Philosophy of Punishment and Forgiveness

Current issues of modern understanding of the problem of law and morality is discussed in the article. Modern problems of constitutional construction are interpreted on the basis of ideas of Russian philosophy of the second half of XIX century. Ideas about the role of the state and the church in the legal and moral process are set out in the article. A possibility of a «third way» in the process of resolving the contradictions between law and morality is considered.